

Смерть Ань Байхайго была лишь мелочью, и он еще меньше хотел, чтобы Ань Линжун тревожилась из-за этого происшествия, однако понятия не имел, как ее утешить.

Воспользовавшись тем, что сумерки сгустились, Хунли тихонько ускользнул от слуг и на цыпочках прошел по галерее за пределами павильона Аньхуачунь.

Он хотел толкнуть дверь, войти и рассказать ей все, но в то же время боялся потревожить сокровенную тайну в глубине ее сердца и лишь напрасно смутить ее. Ему оставалось лишь сжимать маленькие кулачки, безмолвно стоя в галерее и глядя на силуэт за окном; в глубине его глаз читалось чистейшее детское беспокойство и жалость.

Лишь когда Бай Чжи вышла с пустой пилюльной пиалой и столкнулась с Хунли в галерее, то поспешно опустилась в поклоне. Только тогда Хунли сделал шаг вперед, заговорив мягко и участливо:

— Гугу Бай, потрудись получше позаботиться о наложнице Вэнь, ни в коем случае не позволяй ей слишком сильно горевать и навредить плоду. У наложницы слабое здоровье, ей не перенести таких терзаний.

Сказав это, он трижды оглянулся на ходу и молча удалился, всем сердцем желая лишь одного — чтобы она была в безопасности и благополучии, а драгоценный плод в ее чреве пребывал в покое.

В глубине императорских покоев алчные, выжидающие взгляды не прекращались ни на миг.

В павильоне Чанчуньсянь Императрица уже много дней находилась под домашним арестом: внешне она предавалась уединению и молитвам Будде, но на самом деле держала все движения Внутреннего дворца под жестким контролем. Цзянь Цю опустилась на колени перед буддийским алтарем, доложив о результатах расследования той самой «правды», которую Ань Линжун оставила намеренно:

— Ваше Величество, всё выяснено. Ань Байхай был убит бродячими разбойниками, а вовсе не погиб за родину. В тот момент он спасся бегством, сломя голову потеряв рассудок, и никак не ожидал, что попадет в руки разбойников.

Пальцы Императрицы, перебирающие четки, резко сжались, а уголки губ изогнулись в ядовитой улыбке:

— Теперь, когда она носит под сердцем драгоценное семя и единолично правит шестью дворцами, никто больше не сможет ей помешать. Но я непременно уничтожу то, что ей дороже всего.

Она наклонилась к самому уху Цзянь Цю и отрывисто приказала:

— Ступай. Пусть новенькая дворцовая служанка из павильона Аньхуачунь, Люй Жуй, потихоньку откроет Ань Линжун правду о том, что Ань Байхай был убит. Запомни: скажи, будто услышала это от северо-западных гонцов, и не показывай ни малейшего следа чужих указаний. Человек на седьмом месяце беременности, внезапно услышав о столь позорном деле родного отца, непременно содрогнется душой и потревожит плод. В тот момент она потеряет и ребенка, и собственную жизнь — и сколь бы искусной ни была в притворстве, спасти ее уже не удастся.

Цзянь Цю приняла приказ и удалилась, действуя с предельнейшей скрытностью.

Не прошло и полдня, как Люй Жуй, воспользовавшись моментом, когда подавала священный чай, в панике приблизилась к Ань Линжун. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что никого нет, она понизила голос и, изобразив испуг, произнесла:

— Госпожа... Рабыня не смеет скрывать от Вас правду. Говорят приезжие гонцы с северо-запада, что господин Ань... он погиб не за родину, а был схвачен разбойниками по дороге, когда бежал... Никакой он не верный слуга...

Услышав эти слова, Ань Линжун всем телом задрожала, словно пораженная молнией.

Это был первый раз, когда она «услышала» правду о смерти родного отца. Ее глаза мгновенно заволоклись предельно глубоким шоком, скорбью и неверием, цвет лица из мертвенно-бледного превратился в свинцово-серый, точно от удара этого грома среди ясного неба душа ее разлетелась на куски.

Она резко прикрыла ладонью живот, брови ее судорожно сошлись на переносице, на лбу выступили мелкие капли холодного пота, и тело безвольно осело на пол, а с губ сорвался слабый и мучительный стон:

— Боль... Мой живот... Как больно...

Бай Чжи, только вошедшая во внутренние покои и обнаружившая такую картину, в панике закричала:

— Скорее сюда! У госпожи начались схватки! Зовите лекаря! Быстро доложите Императору!

Павильон Аньхуачунь в одно мгновение погрузился в хаос.

Юнчжэн как раз просматривал доклады, когда услышал, что у Ань Линжун потревожился плод. Бросив кисть с киноварью, он быстрыми шагами направился в павильон Аньхуачунь, всю дорогу снедаемый тревогой.

В покоях Ань Линжун лежала на мягкой кушетке, ее виски и пряди волос были растрепаны, в уголках глаз застыли слезы, живот слегка выдавался вперед, дыхание было слабым, а сама она

находилась на грани полного коллапса, и лишь кончики пальцев судорожно вцепились в шелковое одеяло с краю кушетки, выражая крайнюю беспомощность. Лекарь Ван стоял на коленях перед кушеткой, замеряя пульс, его брови были тяжело сдвинуты.

— Ну как? Всё ли в порядке с Линжун и будущим наследником в ее чреве? — нетерпеливо осведомился Юнчжэн, и в его голосе сквозила глубокая жалость.

Лекарь Ван опустился на колени и поклонился до земли:

— Докладываю Вашему Величеству, госпожа пережила сильнейшее душевное потрясение, что спровоцировало угрозу выкидышу. К счастью, сами зародышевые основы изначально были крепки, так что непосредственной угрозы жизни нет, однако ей требуется абсолютный покой, и ни в коем случае нельзя подвергать ее малейшим раздражителям.

Юнчжэн, снедаемый жалостью, присел на край кушетки и, нежно поглаживая похолодевшую тыльную сторону ладони Ань Линжун, мягко проговорил:

— Линжун, не бойся, я рядом. Что за страшная весть заставила тебя испытать такой ужас?

Прислонившись к мягкой подушке, Ань Линжун со слезами на глазах, прерывающимся и сорванным голосом, полным невыносимой, горестной боли, произнесла:

— Император... Наложница только что услышала от служанки Люй Жуй... что мой родной отец... вовсе не отдал жизнь за родину, а был дезертиром, которого казнили... Наложница не верит... Мой отец всю жизнь был прямым человеком, как он мог совершить подобное? На мгновение потеряв рассудок, я потревожила драгоценного наследника. Наложница виновата.

Каждое ее слово капало кровью; она являла собой образ полного отчаяния человека, только что узнавшего правду, чья сыновняя преданность была осквернена, а мировоззрение — разрушено. От этого зрелища сердце Юнчжэня сжалось от боли, а в груди запылал чудовищный гнев.

— Дерзость! Кто посмел намеренно распустить такие слухи?! — Юнчжэн поднялся на ноги, вышел в переднюю комнату и рявкнул грозным голосом: — Су Пэйшэн! Немедленно провести тщательное расследование! Вытащить на свет того, кто стоит за кулисами!

Су Пэйшэн тут же взял людей и приступил к дознанию. Однако все следы уже были заблаговременно тщательно запутаны Императрицей, расставившей широкую сеть, и теперь все они безошибочно вели к Благородной супруге Хуа, находившейся под домашним арестом в павильоне Лююэ Кайюнь. В заднем дворе утопилась в колодце Люй Жуй, в чьих руках зажали драгоценные украшения Благородной супруги Хуа, и даже те невнятные жалобы и злобные слова, что Благородная супруга Хуа произносила в заточении, сетуя на наложницу Вэнь и желая гибели ее ребенку, были тщательно преданы огласке.

Не прошло и часа, как Су Пэйшэн принес собранные доказательства и доложил обо всем по порядку.

Юнчжэн и без того питал отвращение к Благородной супруге Хуа из-за ее недавних инсинуаций с ложной беременностью, и лишь помня о былых чувствах и опасаясь того, что Нянь Гэнъяо держит в руках мощную северо-западную армию, тогда обошелся с ней мягким наказанием.

Теперь же она перешла все границы и осмелилась покушаться на наследника императорской крови. Его гнев больше не поддавался сдерживанию, в глазах читалось глубочайшее омерзение, и продолжать расследование он больше не желал.

— Женщина по фамилии Нянь несправима, завистлива, вредит наложницам и покушается на жизнь наследника! — чеканил каждое слово Юнчжэн. — С сегодняшнего дня запечатать входы в павильон Лююэ Кайюнь, все припасы и довольствие выдавать по разряду обычной наложницы-чанцзай, без моего указания — не смей переступить порог ни на шаг!

Хотя такое наказание формально не лишало ее титула, для столь гордой женщины, как Благородная супруга Хуа, оно ничем не отличалось от Холодного дворца.

Ань Линжун, лежа на кушетке, услышала императорский указ и произнесла, приподнимаясь:

— Император, наложница Нянь, возможно, просто помутилась рассудом на мгновение. Прошу Вас, не губите свое драгоценное здоровье из-за нее. Наложнице же нужно лишь, чтобы будущий наследник был в безопасности — большего она не желает.

Юнчжэн мягко заключил ее в объятия и нежно пообещал:

— Я непременно огражу тебя и ребенка от любых бед на всю жизнь, и больше никто не осмелится обидеть тебя хоть в малейшей степени.

В павильоне Руигуань Хунли, узнав, что угроза выкидыша миновала и Ань Линжун вне опасности, наконец отпустил сердце, висевшее до этого камнем.

Он стоял у окна павильона Руигуань, глядя в сторону павильона Аньхуачунь.

Впредь он непременно будет усердно учиться и стремительно расти, чтобы стать тем, кто сможет защитить ее покой на долгие годы.

Глава 19: Ань Линжун [Золотые ветви и нефритовые листья], 19.

Дни шли за днями, аромат лотосов в саду Юаньминъюань окончательно рассеялся, погода похолодала, и настало время возвращаться во дворец.

Многочисленный и величественный императорский кортеж тронулся из сада Юаньминъюань, проехал по освещенному пекинским осенним солнцем Пекину и вновь вступил под высокие красные стены Запретного города.

Ань Линжун, сидя в мягком паланкине и поддерживая рукой слегка округлившийся живот, при поддержке Цин Лань и Бай Чжи с обеих сторон вошла во дворец Яньси, куда не ступала ее нога уже несколько месяцев.

Убранство во дворце осталось прежним, а на столике стояли только что поднесенные осенние хризантемы — изящные и уместные, все было обустроено по ее вкусу.

Теперь, когда она носила под сердцем драгоценного наследника и единолично управляла делами шести дворцов, первым ее делом по возвращении стала проверка всех дворцовых пайков и расстановка слуг на дежурства. Каждая мелочь была приведена в идеальный порядок, и она ничуть не запустила дела из-за своей беременности.

Однако не прошло и трех дней, как курьерское донесение с пометкой восемьсот ли в час прорвало дворцовые ворота и было доставлено напрямую во дворец Янсинь: Нянь Гэнъяо во главе войск наголо разгромил северо-западных мятежников, отбил три города и покрыл себя беспримерной воинской славой.

Когда весть о победе долетела до тронного зала, сотни сановников пали ниц, скандируя пожелания долголетия. Лицо Юнчжэна озарилось радостью, и он тут же издал указ о щедрой награде для Нянь Гэнъяо: пожаловал двойное павлинье перо, десять тысяч лянов золота, а вся военная и политическая власть на северо-западе была всецело передана в его руки.

Едва успела высохнуть чернильная печать на наградах, как следом пришло прошение от самого Нянь Гэнъяо. Каждая строка в нем пестрела мольбами за родную сестру: его младшая сестра, наложница Нянь, от природы чиста сердцем, а вся беда лишь в том, что обычная женщина из внутреннего дворца не справилась с ревностью. Но раз она удостоилась императорского великодушия, он, преисполненный глубокой благодарности, готов вместе с северо-западными воинами верно служить до самой смерти, и молит лишь о том, чтобы Император явил милость и позволил смягчить тяготы домашнего ареста для его сестры, дабы сохранить лицо клана Нянь.

Каждая строчка доклада была проникновенна, но за ними скрывался тяжелый, негласный вес человека, в чьих руках находилась огромная армия.

Юнчжэн сидел за императорским столом во дворце Янсинь, его пальцы гладили край мемориала, а взгляд был мрачен и глубок.

Он вовсе не забыл о прошлом и прекрасно понимал, что в данный момент военные дела на северо-западе не могут обойтись без Нянь Гэнъяо, а потому ни в коем случае нельзя охлаждать пыл заслуженного сподвижника из-за дел во внутреннем дворце. Предыдущее суровое наказание наложницы Нянь уже послужило предостережением для остальных, а раз теперь

одержана крупная победа, полагающиеся почести урезать никак нельзя.

Поразмыслив с полчаса, Юнчжэн громко отдал приказ:

— Передайте мою волю: наложница Нянь неоднократно совершала проступки, и по справедливости ее следовало бы наказать строжайшим образом. Однако, принимая во внимание выдающиеся заслуги ее брата Нянь Гэнъяо на северо-западе и его преданность государству, ей даруется особое помилование. С сегодняшнего дня снять домашний арест, а нормативы довольствия восстановить по рангу благородной супруги.

Указ разнесся по всем шести дворцам, и среди наложниц поднялся ропот.

Каждая понимала: пока за спиной стоит такое раскидистое дерево, как Нянь Гэнъяо, наложница Нянь, даже лишившись императорской милости, оставалась силой, с которой во внутреннем дворце невозможно не считаться.

Бай Чжи, массируя поясницу Ань Линжун, возмущенно произнесла:

— Госпожа, наложница Нянь так жестоко пыталась навредить Вам и будущему наследнику, а Император лишь из-за заслуг Нянь Гэнъяо вернул ей прежнее содержание! Это же крайняя несправедливость!

Ань Линжун, держа в руках отвар для укрепления плода, ответила:

— У Императора свои соображения. Передний и задний дворы изначально связаны между собой. Нянь Гэнъяо держит в руках огромную армию, и проявление милости к наложнице Нянь со стороны Императора — это способ успокоить армейские сердца в столице и за ее пределами, а вовсе не слепое пристрастие.

Она никогда не была недалёковидным человеком и прекрасно знала, что почет и бесчестье во внутреннем дворце всегда неразрывно связаны с кровными узами при дворе. Наложница Нянь лишь временно перевела дыхание за счет влияния своего брата, пока же она сама бережет плод в своем чреве и крепко держит в руках дворцовую власть, никто не сможет поколебать ее положение.

Едва стихли ее слова, как появился Су Пэйшэн с подносами наград и радостно доложил:

— Нынче на северо-западе одержана великая победа, а не за горами и праздник Чонъян. Император повелел, чтобы Вы, моя госпожа, полностью взяли на себя организацию праздничного банкета в честь Чонъяна для выражения благодарности сановникам и членам императорского рода.

Устройство дворцовых пиров всегда входило в обязанности хозяйки Восточного дворца. Теперь

же, когда Императрица находилась под арестом, Император целиком переложил это дело на нее, доверившись ей без остатка — разве это не знак величайшего доверия?

С тех пор в павильоне Аньхуачунь закипела работа. Хотя Ань Линжун находилась на седьмом месяце беременности, она все делала сама: утверждала меню, составляла план рассадки гостей, готовила музыку и представления, проверяла убранство. Начиная с тонкости вкуса императорских блюд и заканчивая праздничной иллюминацией за пределами залов, она лично вникала во все детали, устроив всё соразмерно и безупречно.

Цин Лань, глядя, как та изо дня в день надывается от забот, испытывала острую жалость:

— Госпожа, Вы в тягости, такие мелочи можно было перепоручить Внутреннему ведомству, зачем же самой утруждать рассудок?

— Дворцовый пир затрагивает престиж императорской семьи и связан с министрами и членами рода, здесь нельзя допустить ни малейшей оплошности, — Ань Линжун потеряла переносицу. — Раз уж в моих руках власть над шестью дворцами, я должна нести эту ответственность, чтобы не заставлять Императора тревожиться и не давать повода злопыхателям.

Не успела она договорить, как из-за двора посчитались легкие шаги: Четвертый принц Хунли принес с собой свиток переписанной им самим «Сутры благословения» и тихонько вошел внутрь.

Вернувшись во дворец, Хунли изо дня в день прилежно учился, но в то же время постоянно помнил о тех, кто жил во дворце Яньси. Услышав, что Ань Линжун день и ночь хлопочет над организацией пира, юноша воспользовался перерывом между занятиями, чтобы собственноручно переписать сутру и принести ее в подарок.

— Сын ваш Хунли приветствует наложницу Вэнь, — Хунли почтительно поклонился и преподнес сутру обеими руками. Несмотря на юные годы, в его глазах читалась искренняя забота: — Слышал, что Вы дни напролет заняты банкетом и утруждаете ум и душу, поэтому я переписал сутру, чтобы помолиться о здравии для Вас и младшего брата в Вашем чреве. Прошу Вас, не перетруждайтесь и берегите себя — это главное.

Ань Линжун посмотрела на аккуратный почерк на его ладони, а затем вгляделась в чистую тревогу в глазах юноши. На сердце у нее потеплело, она протянула руку и легко коснулась его макушки, заговорив мягким, весенним голосом:

— Благодарю Четвертого принца за заботу, я принимаю этот дар. Учись спокойно, а у меня есть свои совести и расчеты, я не обижу ни себя, ни ребенка.

Хунли посмотрел на ее мягкий взгляд, чувствуя, как на душе стало тяжело и тепло. Сказав еще пару напутственных слов, он почтительно удалился.

Глядя на удаляющуюся фигуру юноши, Бай Чжи с улыбкой произнесла:

— Четвертый принц теперь искренне привязан к Вам, госпожа, и каждый день помнит о Вас.

Уголки губ Ань Линжун слегка приподнялись, но больше она ничего не сказала, лишь аккуратно убрала свиток сутры в лаковый ларец.

В дворце Куньнинсян (в резиденции Икуньгун),

Наложница Нянь сидела перед зеркалом, глядя на вновь разложенные слугами драгоценности и сокровища, и в ее глазах кипела ядовитая злоба.

— Император все-таки помнит меня, просто эта лисица Ань Линжун одурманила его! — скрежетала зубами наложница Нянь.

Сун Чжи успокаивала хозяйку сбоку:

— Теперь, когда второй господин добился военных успехов, Император восстановил статус Вашего Высочества, и со временем он обязательно снова призовет Вас.

Хотя Благородная супруга Хуа ранее и навлекла на себя гнев Императора, ее спесь вновь воспрянула благодаря ратным подвигам брата.

К моменту праздника Чонъян, когда осенний ветер окрасил весь Запретный город в золотые тона, в зале Яньхуэйдянь желтые хризантемы пылали яркими соцветиями, а позолоченные светильники роняли кисти подвесок. Мелодично звучала ритуальная музыка, создавая картину поистине величавого торжества.

Юнчжэн, пекотясь о престиже императорской фамилии, особо издал указ о снятии домашнего ареста с Императрицы, разрешив ей присутствовать на праздничном банкете.

Облаченная в парадное темно-желтое платье с вышитыми фениксами, Императрица восседала на главном месте Восточного дворца, а на ее лице застыло благопристойное и мягкое выражение.

Обладая лишь титулом хозяйки дворца, но не имея ни единой крупницы реальной власти, она видела, что повсюду в зале царит безупречный порядок, устроенный руками самой Ань Линжун, а княжеские жёны наперебой хвалили наложницу Вэнь за рассудительность и порядок. Буря негодования в душе И Сю бушевала вовсю, однако на лице не дрогнул ни один мускул.

Глава 20: Ань Линжун [Золотые ветви и нефритовые листья], 20.

Ань Линжун сидела на первом месте по левую руку от Юнчжэня. Рассадка гостей в зале, вкусы блюд, музыкальное сопровождение, праздничное убранство — всё до единой мелочи было выполнено ею лично. Это отвечало как установлениям предков, так и личным предпочтениям членов императорского рода.

Князья и сановники занимали свои места один за другим. Нянь Гэнъяо в парадном облачении военачальника, с нефритовым поясом на талии, дерзкой и надменной походкой направился напрямиком на почетное первое место для военных чинов.

Только что стяжав славу на северо-запада, он пользовался невероятным влиянием при дворе, и даже сидевшему на главном месте Юнчжэню поклонился лишь кое-как. Его поведение полное презрения к окружающим видели все министры в зале.

Пройдя через три смены вина, музыка временно смолкла. Нянь Гэнъяо поднялся с кубком в руке, его взгляд скользнул по Ань Линжун, уголки рта искривились в нескрываемой издевательской усмешке, и он громко произнес так, что задрожал весь зал:

— Император, великолепие сегодняшнего банкета переполняет сердце подданного радостью. Только вот я недавно услышал, что этот пир целиком и полностью организован наложницей Вэнь?

Юнчжэн слегка кивнул, и в его голосе прозвучали странные нотки:

— Наложница Вэнь управляет делами шести дворцов, она рассудительна и внимательна, это дело исполнено полностью по моему вкусу.

— Вот оно как, — Нянь Гэнъяо закинул голову и расхохотался, не скрывая презрения в голосе. — Я-то думал, что наложница Вэнь умеет лишь завлекать красотой, а оказывается, способна ведать и делами императорских пиров. Но я посмею дерзнуть спросить: женщина низкого происхождения, чей родной отец к тому же был беглецом с поля боя, разве достойна председательствовать на празднике Чонъян императорского дома и вкушать это всеобщее почтение?

Как только эти слова прозвучали, зал погрузился в мертвую тишину. Никто не ожидал, что Нянь Гэнъяо дойдет до такой степени безумия, чтобы публично высмеивать дворцовую наложницу и ни в грош не ставить императорское величие.

Наложница Нянь знала, что брат делает это ради ее защиты, но слова эти звучали до крайности скверно. Она подняла глаза и украдкой взглянула на выражение лица Императора, глазами показывая Нянь Гэнъяо прекратить болтовню.

Императрица, восседая на своем месте, почувствовала в глубине глаз вспышку злорадного удовлетворения, однако изобразила благопристойность, легонько кашлянула и якобы примиряюще произнесла:

— Великий генерал Нянь говорит излишне резко. Наложница Вэнь носит под сердцем императорского наследника, и ей было нелегко организовывать пир, но она действовала по воле самого Императора, так что генералу не стоит столь сурово ее корить.

Эти слова звучали вроде бы примиряюще, но на деле исподволь закрепляли за Ань Линжун клеймо женщины, недостойной возглавлять дворцовый пир, и одновременно молчаливо одобряли нападки Нянь Гэньяо на ее отца.

Бай Чжи вспыхнула от гнева, готовая броситься вперед и растерзать Нянь Гэньяо, но Ань Линжун отвесила поклон Юнчжэню и Императрице:

— Император, Императрица, у наложницы есть три ответа для великого генерала Няня. Во-первых, я организовывала этот пир по высочайшему повелению Императора и соблюдая ритуалы Восточного дворца. Подвергая сомнению мои действия, генерал ставит под сомнение решение Императора и пренебрегает установлениями династии.

Во-вторых, никто не волен выбирать свое происхождение, к тому же мой род Линцзя был возведен Императором в ряды маньчжурского Желтого знамени с каймой. Если память мне не изменяет, великий генерал Нянь происходит из ханьского Белого знамени с каймой. Следуя логике великого генерала, получается, что все присутствующие здесь выходцы из маньчжурских знамен — люди низкого сорта?

В-третьих, мой отец сложил голову за зерновые запасы, а Император лично издал указ о посмертном пожаловании титула комиссара-умиротворителя, закрепив за ним славу верного и храброго подданного. Генерал же перед лицом всего собрания называет его дезертиром — Вы не верите мне или же не доверяете проницательности самого Императора?

И наконец, существуют различия между государем и подданными, существуют правила внутреннего двора. Великий генерал — сановник переднего двора, однако позволяет себе публично обсуждать дела гарема, хулить решения государя. Это противоречит приличиям и законам, поэтому я прошу великого генерала следить за своими словами.

Речь ее была исполнена собственного достоинства, ни уступчива, ни надменна, все аргументы были железно связаны друг с другом. Лицо Нянь Гэньяо побагровело от гнева, он ударил по столу и рявкнул:

— Дерзость! Какая-то баба из гарема посмела поучать меня, генерала?! Я проливал кровь и шел на смертный риск на северо-западе ради охраны Дайцин! Ань Байхай бежал с поля боя — это железобетонный факт, а ты, простая дочь преступника, смеешь передо мной изворачиваться и плести словеса?

Не успел он договорить, как из рядов гражданских чинов поднялся человек в темно-синем чиновничьем халате. С прямой осанкой он низко поклонился Юнчжэню, и его голос прозвучал ровно и гулко:

— Император, ваш слуга, управой столичного округа Шуньтяньфу Линь Сунтин, имеет доложить слово.

Этот Линь Сунтин приходился Ань Линжун родным дядей и как раз тем человеком, который скрытно помогал ей справляться со многими делами. Занимая пост главы Шуньтяньфу, он славился чистотой управления и пользовался безупречной репутацией в столице.

Юнчжэн поднял взгляд и кивнул:

— Говори без утайки.

Линь Сунтин выпрямился и устремил взгляд на Нянь Гэньяо, чеканя каждое слово:

— Слова великого генерала Няня вызывают у вашего слуги несогласие. Генерал оказал великие услуги в охране северо-запада, за что императорский двор щедро осыпал его должностями и несметными наградами. Но заслуги — это заслуги, а проступки — это проступки. Разве можно из-за личных воинских успехов позволять себе на празднике Чонъян перед лицом всего императорского рода и чиновников рассуждать о делах гарема, порочить верных подданных и пререкаться с государем?

Будучи главой Шуньтяньфу и отвечая за порядок в столичных пределах, ваш слуга не смеет молчать, видя столь непочтительное и заносчивое поведение. Прошу великого генерала взвешивать слова и принести извинения Императору и наложнице Вэнь!

Речи Линь Сунтина как раз выражали то, о чем все гражданские чиновники в зале кипели от гнева, но не смели сказать вслух. Военные успехи Нянь Гэньяо делали его опасным для трона и уже давно вызывали глухое недовольство при дворе, вот только никто не решался выступить против него открыто.

Ань Линжун подняла глаза на дядю, и в глубине ее глаз мелькнула теплота, но она по-прежнему сохраняла надлежащую наложнице осанку, не говоря ни слова и оставляя все решения на усмотрение Юнчжэня.

Нянь Гэньяо затрясло от гнева, он ткнул пальцем в Линь Сунтина и взревел:

— Линь Сунтин! Ты всего лишь чиновник пятого ранга, а смеешь поучать меня?! Выехал на плечах своей племянницы и теперь кажешь тут свою спесь! Когда наложница Нянь пользовалась благосклонностью, эта Вэнь была лишь деревенской девчонкой!

— Ваш слуга — должностное лицо императорского двора, получающее государево жалование и служащее государеву делу. Всё, что я говорю и делаю, продиктовано законами государства, и это не имеет никакого отношения к моему происхождению, а тем более к моей племяннице, — Линь Сунтин не изменился в лице и снова поклонился Юнчжэню. — Император, каждое слово

вашего слуги истинна, прошу Вас рассудить по справедливости.

Лицо Юнчжэня уже потемнело, уподобившись ледяной пучине. Заносчивость Нянь Гэньяо давно перешла все границы, а сегодня он посмел открыто бросить вызов императорскому величию перед лицом членов клана и даже попытался опровергнуть его собственное решение.

Мелкие пакости Императрицы он тоже видел предельно ясно — она лишь хотела чужими руками унизить Ань Линжун. Будучи Императрицей, она должна была делить с ним трон и лицо, но вместо этого даже пальцем не пошевелила, чтобы защитить его авторитет.

— Довольно! — низким голосом произнес Юнчжэн, и его властный окрик прокатился по всему залу. — То, что сказал Линь Сунтин, — сущая правда. Господин Ань сложил голову за родину, и я лично пожаловал ему титул верного героя. Разве позволено кому-либо вроде тебя, Нянь Гэньяо, вольно критиковать его? Наложница Вэнь исполняла мою волю, вела себя достойно и благопристойно — как ты смеешь осыпать ее насмешками? Линь Сунтин предан государству, соблюдает правила и говорит прямо — жалую ему сто лян золота и двадцать кусков парчи.

Его тон резко переменялся, и ледяной, пронзительный взгляд вонзился в Нянь Гэньяо:

— Нянь Гэньяо! Для переднего и заднего дворов существуют свои установления. Твое дело — ведать северо-западной армией, но если ты еще хоть раз позволишь себе нести чепуху и нарушать границы дозволенного, я не прошу тебя! Ты до сих пор не принес извинений наложнице Вэнь?

Раз Император публично вернул лицо Линь Сунтину и отвесил тяжелую пощечину Нянь Гэньяо, никто в зале больше не осмелился издать ни звука.

Хотя в душе Нянь Гэньяо кипел от досады, сопротивляться открытой воле государя он не посмел. Сжав зубы и через силу сложив руки перед Ань Линжун, он невнятно бросил фразу о том, что это он оговорился, после чего обиженно рухнул на свое место.

Наложница Нянь, увидев, что Император не стал наказывать брата, наконец выдохнула. Прожив с Юнчжэнем столько лет, она прекрасно знала его нрав, и сейчас ее брат, похоже, исчерпал весь лимит императорского терпения до предела.

<http://bllate.org/book/21976/2283851>